

ФЕДОР АБРАМОВ

АЛЬКА

Повесть

(фрагменты)

Глава 1

Новостей тетка и Маня-большая насыпали ворох. Всяких. Кто женился, кто родился, кто помер... Как в колхозе живут, что в районе деется... А Альке все было мало. Она ведь год целый не была дома, а вернее сказать, даже два, потому что не считать же те три дня в прошлом году, что на похороны матери приезжала.

И вот тетка и Маня-большая только замолчат, рот закроют, а она уж их теребит снова:

– Еще, еще чего?

– Да чего еще... – пожимала плечами Анисья. – Вот клуб строят новый. Культурно жить, говорят, будем...

– Слышала! Сказывала ты про клуб.

– Ну, тогда не знаю... Все кабыть...

Тут Маня-большая, – она тоже немало поломала свою старую голову, чтобы угодить гостье, – догадалась наконец разговор перевести на другую колею.

– Все нас да нас пытаешь, – сказала Маня, – а ты-то как живешь-можешь в своем городе?

Алька блаженно, до хруста в плечах, потянулась, почесала голую пятку о гладкий, с детства знакомый сук в половице под столом, потом разудало тряхнула своим рыжим, все еще не просохшим после бани золотом:

– Ничего живу! Не пообижусь. Девяносто рэ чистенькими каждый месяц, ну, и сотняга – это уж само мало – чаевые...

– Сто девяносто рублей?! – ахнула Маня.

– А чего? Я где работаю-то? В районной столовке или в городском ресторане? Филе жареное, жигу, люля-кебаб, цыплята-табака... Слыхала про такие блюда? То-то! А подать-то их, знаешь, как надо? В твоей столовке районной кашу какую под рыло сунули, и лопаи. А у нас – извини-подвинься...

Тут Алька живехонько выскочила из-за стола, переставила с подноса на стол все еще мурлыкающий самовар, чашки и стаканы – на поднос, поднос на руку с растопыренными пальцами и закружилась, завертелась по избе, ловко лавируя между воображаемыми столиками.

– А задок-от, задок-от у ей ходит! – восхищенно зацокала языком Маня. – Кабыть и костей нету.

– А уж это у нас обязательно! Чтобы на устах мед, музыка в бедрах. Нам Аркадий Семенович, наш директор, так и говорил: «Девочки, запомните, вы не тарелки клиенту несете, а радость».

Алька еще раз показала, как это делается, затем, довольная, с пылающими щеками, опустила на стол поднос с чайной посудой (только сейчас стаканы звякнули), разлила остаток вина по рюмкам:

– Давайте за Аркадия Семеновича! Во мужик – закачаешься! Бывало, выстроит нас, официанток, в зале, покамест в ресторане народу нету, сам за рояль, и давай команды подавать: «Девочки, задиком раз, девочки, задиком два...», «А теперь, девочки, упражнение на улыбку...». Сняли... За насаждение порочных нравов... в быту. Теперь у нас такой зануда-директор –

выше колена юбку не подними. Я, кажись, скоро стрекача задам. К летчикам, наверно, подамся – по городам летать...

– А Владислав-то Сергеевич как? – спросила Маня.

– Чего Владислав Сергеевич?

– Ну, в части препятствий... Жена с молодыми мужиками...

Алька быстро взглянула на густо покрасневшую тетку и сразу все поняла: это она, тетка, скрыла от всех, что Алка не живет с Владиком. Скрыла, чтобы избежать пересудов деревенских.

Но Алка не любила хитрить, как ее покойная мать, а потому, хоть тетка и делала ей знаки глазами, рубанула сплеча:

– Не живу я с Владиком. Рассчитала на все сто и даже с гаком.

– Ты? Сама? – У Мани от удивления даже нижняя губа отвисла. Точь-в-точь как у Розки, старой кобылы-доходяги, на которой в последнюю зиму перед болезнью отец возил дрова для сельпо.

– А чего? Он – шантрапа, алиментщик заядлый, а я чикаться с ним буду, да?

– Кто алиментщик? Владислав-то Сергеевич алиментщик? – еще пуше прежнего удивилась Маня.

– Ну! Да еще алиментщик-то какой! Двойной. Я сдуру-то, когда он от нас удрал не сказавши, обревелась... Думаю, все: пропала моя головушка. К евоному начальству в городе прикатила – слова сказать не могу: вот какая деревенская дуреха была! А потом как начальник-то сказал мне, хороший такой дядечка, полковник с усами, что у Климашина и так двойные алименты, я дай бог силы. И руками, и ногами отпихиваться стала. Сообразила! Он восемнадцать лет ползарплаты платить будет, а мне вприглядку глядеть?

Вдруг голосистая бабья песня ворвалась в избу, от грохота грузовика задрожали стекла в рамах.

Алька кинулась к раскрытому окошку, но машина уже проскочила – только пыль клубилась на дороге.

– Свадьба, что ли, какая? – спросила она у старух.

– Не, то доярки, – ответила Анисья. – С утрешней дойки едут. С поскотины. Все вот ноне так. Завсегда с песнями.

– А чего им не с песнями-то? – фыркнула Маня. – Деньжищи загибают – ой-ой!

– А Лидка Вахрамеева, подружка моя, по-прежнему в доярках?

– В доярках. Только теперь она не Вахрамеева, а Ермолина.

– Кто – Лидка не Вахрамеева? Дак чего же вы молчали?

– Да я писала тебе, – сказала Анисья. – Еще зимусь вышла. За Митрия Васильевича Ермолина.

– Чего-чего? За Митю Первобытного? – Алка расхохоталась на всю избу. – Ну и хохма! Да мы, бывало, с ней первыми потешались над этим Митей!

– А теперь не потешается. Теперь – муж. Хорошо живут. Хорошая пара. А уж Митрий-то – золото!

– Да какое золото! – хмыкнула Маня.

– Нет, нет, не хинь, Архиповна, Митрия! – горячо вступилась за Митю Анисья. – Человек весь колхоз отстроил – шутка сказать! А сами-то они коль дружны – ноне-ка такого и не увидишь. Я тут на днях встретила – к реке идут с бельем, Митя сам корзину несет. Ну-ко, кто из нынешних мужиков женке своей пособит? И вина не пьет...

– А все равно недотепа, мозги набекрень, – твердила свое Маня, и из этого Алька заключила, что старуха не сумела пробить лаз к Мите и Лидке – это уж наверняка, раз она с таким усердием поливает их грязью.

...

Глава 11

Старушонку, ползающую на косогоре возле черемухового куста, Алька заметила еще когда с теткиной верхотуры смотрела на реку.

Думала-гадала: кто бы это? Что делает? Землянку собирает? Но землянка растет на косогоре пониже, а во-вторых, не так уж у них и густо этой землянки, чтобы на одном месте целый час топтаться.

И вот когда она вышла из дому – первым делом за изгородь: серый клетчатый платок все еще нырял там.

Христофоровна. Траву серпом собирает.

– Не могу далеко-то ходить, – заговорила Христофоровна, с превеликим трудом разгибая свою старую спину. – А все еще скотинку держу – кычка [овца] есть. Вот и кочкаю по своей вере – кое серпом, кое руками. А ты куда пошла? Не к реке? Обмойся, обмойся. Вода тёплая-теплая. Ноне все лето до потовины жарит. У меня девушки из городу жили – больно ндравилась наша водица. Такой, говорят, воды, бабушка, и на свете нету. Все вон по Паладьиной меже бегали.

– По Амосовской, – поправила старуху Алька.

– А нет, по Паладьиной, – сказала Христофоровна. – То раньше Амосовской-то звали, а теперь Паладьиной зовем. Даже мы, старые, так говорим.

Христофоровна тяжело перевела дух – жарковато было на верховище, как сказала бы Алькина мать про вершину горы.

– У меня девушки все выпрашивали: как, говорят, с чего такая перемена? Это насчет межи-то – почему Паладья всех Амосовых покрыла. А я говорю, за труды, видно. Двадцать лет женка кажинный день мяла эту межу, да еще не один, а два да три раза на дню. Никто, говорю, как деревня стоит, не прошел по ней, сколько она прошла. Ну, дак уж они меня извели: расскажи да расскажи про Паладью.

– А ты рассказывала?

– Как не рассказывала, раз просят. Все записали да в город увезли.

– А чего им мамина жизнь далась?

– А вот интересуются. Как да за что такая почесть. Очень им это удивительно, что межу к нынешнему человеку привязали. Это, говорят, бабушка, все равно, что памятник. Памятники, вишь, в городах большим людям ставят. Каменные. Видала?

– Видала. Есть.

– Ну вот видишь. А я думала, может, маленько и подшутили над бабушкой. Любят посмеяться-то, любят. Хоть и уважительные...

Дальше, по всему видно, разговор у Христофоровны опять пошел бы о полюбившихся ей девушках из города, и Алька с ней рассталась.

Но пошла не на деревню. Пошла под гору – маминой тропкой.

Шла, опустив голову, смотрела на плотно утоптанную дорожку, искала материны следы и не находила. Давно смыло их дождями и вешними водами – редкий год у них река не выходила

из берегов. А все равно дорожку и межу называют Паладьиной. И так будут называть долго, даже тогда, когда уж ее, Альки, не будет на свете...

И еще она думала о том, что рассказывала студентам о матери старая Христофоровна.

Она не сомневалась: добрая старуха до небес расхваливала мать. Работящая. В любую стужу и дождь за реку шастала. Одна за трех человек на пекарне чертоломила... А была ли счастлива мать? Какие радости она видела в своей жизни? Неужели же испечь хороший хлеб это и есть самая большая человеческая радость?

А у матери, как запомнила Алька, не было другой радости. И только в те дни добрела и улыбалась (хоть и на ногах стоять не могла), когда хлеб удавался. И не только улыбалась, а и ораторствовала – любила поговорить: «Да у меня самая главная должность на Земле, ежели на то пошло. Да я хлеб пеку, я саму жизнь делаю...».

Паладьина межа... Межа родной матери...

Не часто, ох, не часто бывает такое, когда дочь шагает тропой, которая называется по имени ее матери...

...

Глава 17

Алька плакала, плакала навзрыд, на весь голос, но Анисья и не подумала утешать ее. Закаменело сердце. Не бывало еще такого, чтобы из ее дома выгоняли гостей! Только уж потом, когда Алька начала биться головой о стол, подала голос:

– Чего опять натворила? Я не знаю, когда ты и образумишься...

– Ох, тетка, тетка... – простонала Алька, – не спрашивай...

– Да пошто не спрашивай-то? Кто будет тебя спрашивать, ежели не тетка? Кто у тебя еще есть, кроме тетки-то?

В ответ на это Алька подняла от стола свое лицо, мокрое, распухшее, некрасивое (никогда в жизни Анисья не видала такого лица у племянницы), и опять уронила голову на стол. Со стуком, как мертвую.

И тогда разом пали все запоры в Анисьином сердце. Потому что кто корчится, терзается на ее глазах! Кого треплет, рвет в клочья буря? Разве не живую ветку с амосовского дерева?

Она подсела к Альке, крепко, всхлипывая сама, обняла племянницу.

– Ну, ну, не сходи с ума-то... Выскажись, облегчи душу...

– Тетка, тетка, – еще пуще прежнего зарыдала Алька, – пошто меня никто не любит?

– Тебя? Да господь с тобой, как и язык-то поворачивается. Тебя, кажись, когда еще в зыбке лежала, ребята караулили...

– Нет, нет, тетка, я не про то... Я про другое...

И Анисья вдруг замолкла, перестала возражать. И это ее молчание стопудовым камнем придавило Альку.

Всю жизнь она думала: раз за тобой ребята гоняются, глазами тебя едят, обнимают, тискают, – значит, это и есть любовь. А оказывается, нет. Оказывается, это еще не любовь. А любовь у Лидки и Мити, у этих двух дурачков блаженных...

И самое ужасное было то, что она, Алька, верила, завидовала этой любви. Да, да, да! Она даже знала теперь, какой запах у настоящей любви. Запах свежей сосновой щепы и стружки...

– Может, чаю попьешь – лучше будет? – спросила Анисья.

Алька махнула рукой: помолчи, коли нечего сказать. Потом встала, хотела было умыться и не дошла до рукомойника – пала на кровать.

Анисья быстрехонько разобрала постель, раздела ее, уложила как ребенка и, купаясь вместе с нею в мокрой зареванной подушке, стала утешать похвальным словом – Алька с малых лет была падка на лесть:

– Ты посмотри-ко на себя-то. Тебе ли реветь-печалиться с такой красотой. Девочек сколько бог обидел, чтобы тебя такую сделать...

Алька мотала раскосмаченной головой: нет, нет, нет! Так и она раньше думала – раз красивая, значит и счастливая. А Лидку взять – какая красавица? Но, господи, чего бы она не дала сейчас, чтобы хоть один день у нее было то же самое, что она видела сегодня у Лидки!

Да, да, да! Лидка растрепана, Лидка дура, у Лидки с детства куриные мозги – все так.

И однако ж не от кого-нибудь, а от Лидки узнала она про другую жизнь. И не просто узнала, а еще и увидела, как эту другую жизнь оберегает Василий Игнатьевич. Стеной, как самый драгоценный клад. И от кого оберегает? А от нее, от Альки.

И Алька билась, выворачивалась из рук тетки, грызла зубами подушку и, кажется, первый раз в своей жизни задавала себе вопрос: да кто же, кто же она такая? Она, Алька Амосова! И какой-то свет излучает эта дурочка Лидка, что все ее в пример ставят?

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Алька : повесть // Наш современник.— 1972.— № 1.— С. 2-36.